

О теоретических подходах к исследованиям модернизации России в условиях сложного социума

Н.Н. Зарубина

В статье анализируются преимущества и недостатки социологического постмодернизма как подхода к исследованию модернизации сложного общества. Рассматриваются постмодернистские подходы к проблемам эпистемологии, детерминизма и репрезентации, их влияние на осмысление социально-экономических реалий в работах современных социологов.

Формы мышления, основанные на позитивистской парадигме, не всегда адекватны для решения задач, реально встающих в сложном обществе, в том числе в условиях его модернизации. Так, классическая и неклассическая социология и экономическая теория оказались не способны дать адекватные ответы на целый ряд вызовов современного развития: ни экономическая наука, ни социология не смогли своевременно и точно прогнозировать глобальный финансово-экономический кризис и предложить действенные меры для его предотвращения, не раскрыли его глубинные причины и предпосылки. Социальные последствия кризиса пока также не получили адекватного осмысления. Все это говорит о том, что социальное знание нуждается в серьезном обновлении. И в связи с этим одной из его важнейших задач, на мой взгляд, является формирование новых теоретико-методологических подходов, адекватных вызовам современности.

Использование постмодернистской парадигмы теоретизирования для исследования модернизации сложного социума

Примером неадекватности классических подходов может быть использование бинарных оппозиций (дихотомической логики) в решении

проблем современной российской модернизации. Предпринимаемые социологами исследования и даваемые ими экспертные оценки базируются на:

- использовании парадигмы модернизации, созданной в середине XX в.;
- материалах модернизации слаборазвитых и развивающихся обществ Азии, Африки, Латинской Америки;
- ретроспективных исследованиях модернизации Запада.

Введенная тогда в научный обиход бинарная оппозиция «традиционного/современного» («восточного/западного») продолжает и сегодня служить моделью для характеристики человеческого потенциала и его готовности к модернизации. Для оценки общей готовности российского общества к модернизации используется известная шкала Г. Хофстеда, определяющая степень вестернизации (с которой отождествляют модернизацию) ментальности по четырем дихотомически организованным параметрам — «индивидуализм/коллективизм», «дистанции власти» (большая/малая), «готовность к риску» (большая/малая) и «маскулинности/женственности».

В то же время исследование готовности российского общества к модернизации в конце первого десятилетия XXI в. проводится уже в

иных условиях, чем те, когда создавались классические теории модернизации. Современная модернизация ориентирована на переход к постиндустриальным типам развития, а значит, должна ориентироваться не столько на культуру модернити, сколько на условия постмодерна, в которых развивается современная экономика. Однако исследователи по-прежнему принимают за исходную модель оппозицию традиционного и современного, понимаемого в смысле «вестернизированного». В контексте этой модели готовность российского общества к модернизации оценивается как частичная, а все проведенные ранее модернизации как незавершенные.

Само развитие общества, которое становится все более сложным, нелинейным, отмеченным спонтанными трансформациями и временными разрывами, востребует новую форму своего социологического осмысления. Научное познание как способ поиска истины, опирающийся на определенные интеллектуальные процедуры, в его позитивистской форме, сложившейся в эпоху модерна в контексте западной цивилизации, в современных условиях может претерпевать некоторые изменения.

Анализ специфических подходов к проблематике социально-экономического развития в рамках социологических теорий постмодернистского типа может дать новые импульсы социологическому воображению ученых. Постмодернизм – это особое мировосприятие, сформировавшееся в современном обществе, это способ рассуждения, теоретизирования о быстро трансформирующейся и усложняющейся социальной реальности, а не сама реальность (постмодерн). Постмодернизм не отменяет и не отрицает реальность, как это иногда представляется на основании характерной риторики и терминологии представителей этой парадигмы, он предлагает иной взгляд на реальность, иную оптику ее рассмотрения, постановку принципиально новых вопросов о реальности и иные способы анализа.

Постмодернизм как способ теоретизирования, осмысления реальности сформировался в сложном обществе

Его характерные особенности:

- отказ от бинарных оппозиций;
- отказ от «метанарратива», «большой истории», которой противопоставляются «малые нарративы»;
- отсутствие единой «корневой» структуры, которой противопоставляется ризома;
- отсутствие классического детерминизма, идея «Смерти Автора» и т.д.

Постмодернисты, в отличие от приверженцев классических подходов, не расставляют приоритеты, не акцентируют детерминистские и функциональные связи, не выстраивают целостной, логически связанной картины реальности, а, напротив, раскрывают ее множественность, нелинейность, спонтанные разрывы и парадоксальность.

В современной России, которая должна рассматриваться как сложное общество, модерниза-

ция протекает в контексте социальных реалий, которые мы рассматриваем с позиций методологии сложности. Как в этих условиях быть с модернизацией? Предлагается рассмотреть познавательные возможности постмодернистской парадигмы мышления, с тем чтобы выявить ее возможности и ограничения. Как известно, классическая наука эпохи модерна ориентировалась на «метанарративы» или «большие рассказы», определявшие ее общие цели, методы и институциональные средства. Под модернистскими «метанарративами» понимаются идеи прогресса, «эмансипации человечества» и т.д., упорядочивающие и легитимирующие знания в обществах Нового времени. В основе возникновения «метанарративов» лежит потребность науки общества модерна в собственной легитимации, в определении оснований для присвоения высказываниям статуса научных и истинных. Для этого служит философское знание, которое, собственно, и порождает «большие рассказы», «метанарративы» как эпистемологические конструкции, привносимые в науку и обуславливающие возникновение представлений об универсальности, объективности (верифицируемости и фальсифицируемости) знания, а также его эффективности. Соответственно для экономической науки это были «метанарративы» обеспечения устойчивого баланса между потребностями общества и его производственными возможностями, который бы создал основу для роста благосостояния и свободы экономической самореализации членов общества.

Однако постмодернистская наука в современном информационном обществе больше интересуется не стабильностью и универсальностью, а, как отмечает Ж.-Ф. Лиотар, «неопределенностями, ограничениями точности контроля, квантами, конфликтами с неполной информацией, «fracta», катастрофами, прагматическими парадоксами»¹. Существует несводимое множество языковых игр, каждой из которых соответствуют собственные правила и критерии компетенции. На этой основе и следует определить сущность знания, в том числе социального и экономического. На место поиска легитимирующих «больших рассказов» приходит большое количество «малых нарративов», не претендующих на универсальность, легитимных только в локальных сообществах и для узкой постановки вопроса. Исчезает потребность в универсальном метаязыке и критериях научности и истинности, а также эффективности, справедливости, красоты и т.д. Так рождаются локальные теории, которые до бесконечности умножают предмет социального знания постмодернистского типа, но не создают ни единой методологии и категориального аппарата, ни целостной картины мира как системы координат, которая бы позволила однозначно ориентироваться в обществе или в экономике, опираясь на критерии научности, истинности и эффективности.

Таким образом, отказ от целостной сквозной логики осмысления мира является одним из основных атрибутов постмодернистского социаль-

ного мышления. А на уровне массовых когнитивных процессов он может выражаться, например, в фиксируемой социологическими исследованиями растущей иррациональности сознания россиян и отказе от веры в прогресс. При интерпретации с позиций классической социологии модернизации он свидетельствует, по оценкам социологов, о возврате к традиционному типу культуры². Однако именно фрагментарность мышления и отсутствие сквозной рациональности является основным признаком постмодерна как культуры, а также и постмодернизма как философского, социологического, эстетического направления.

Рациональность и веру в прогресс подрывает и утрата однозначных представлений о желаемом векторе и модели социального и экономического развития. Отказ от единой логики осмысления процесса развития в контексте «больших нарративов» приводит и к отказу от единого вектора развития, каковым является модернизация, мыслимая как прогрессивное социально-экономическое развитие в направлении ценностей западной цивилизации – либерализма, демократии, секуляризации, сциентизма, культурного плюрализма. Авторы аналитического доклада «Готово ли российское общество к модернизации?» пришли к выводу, что в современном российском обществе нет единства в интерпретации вектора и основной идеи предстоящей модернизации, а использование западной модели представляется проблематичным в связи с устойчивой негативной эмоциональной реакцией россиян на слово «Запад»³.

Постмодернизм в этом смысле является преодолением западных ценностей на самом Западе, следствием которого оказывается признание многообразия путей развития на разных основаниях (цивилизационных, культурных, социально-экономических и т.д.). Описанные тенденции, связанные с утратой единства сознания, картины мира и вектора развития, не просто свидетельствуют о незавершенности предыдущих российских модернизаций и неготовности человеческого потенциала к предстоящей. Они должны быть переосмыслены в парадигме постмодерна и получить оценку как реальные риски, с которыми мы в нарастающей степени будем сталкиваться в будущем, поскольку по своей сути они не «пережитки» традиционализма, а признаки постмодерна. То, что мы привыкли рассматривать как «неготовность» к модернизации, на самом деле является результатом уже свершающейся постмодернизации, поэтому не подлежит «искоренению» как помехи, а является реальным будущим риском, к которому надо быть готовыми.

В связи с этим представляется актуальной методологическая задача перестать оценивать модернизационный потенциал России с точки зрения уже неадекватной реальной ситуации модели, а скорректировать ее таким образом, чтобы бинарная оппозиция «традиционного/модерного» трансформировалась, как минимум, в тернарную модель «традиционность–модерн–постмодерн».

Анализ постмодерна должен предполагать учет дополнительных параметров: плюрализма форм рациональности, гибкости социокультурных идентичностей, текучести жизненных стратегий и т.д. Особое внимание следует уделять исследованиям риск-готовности как важнейшей характеристики человеческих ресурсов модернизации, протекающей в условиях развивающегося постмодерна.

Ограничения и методологические риски, связанные с постмодернистской логикой исследований процессов развития сложного общества

В современной социологии много и справедливо критикуют постмодернистское теоретизирование. Выделяются такие последствия восприятия постмодернистского метода теоретизирования для развития социологии, как:

- сдвиг исследовательского интереса в направлении субъективности;
- методологический эклектизм и распространение междисциплинарных подходов;
- отсутствие строгой исследовательской логики и единого категориального и понятийного аппарата;
- отсутствие четко сформулированных критериев истины;
- отказ от авторитетов и классических образцов;
- релятивизм познавательных установок;
- ориентация на уникальное и неповторимое, а не на типичное.

Известно, что выстроенные на основании линейного мышления, модернизационной логики и методологии стратегии общественного развития приводили к абсолютизации единственной стратегии модернизационных преобразований, которая сводилась к заимствованию ценностей и институтов западного («передового») образца. Модернизационным преобразованиям вторичного и догоняющего типа, происходящим в незападных обществах, нередко сопутствует мобилизационная культура, основанная на идеологии и политическом курсе правящих элит, которые иногда представляли как попытки «железной рукой загнать» людей в «светлое будущее», идеал которого калькировался с Запада. Поэтому именно культура модерна породила, наряду с идеями либерализма и прав человека, формальную рациональность, «дисциплинарное общество» (М. Фуко), фордизм, а также тоталитарные идеологии и режимы.

Подобные модернизационные стратегии повсеместно приводили к жестким репрессиям в отношении эндогенных культур и их носителей, выражавшиеся в попытках (более или менее успешных) «окончательно решить вопрос пережитков «традиционных общественных институтов». В нашей стране подобные попытки хорошо известны – от коллективизации до реформ системы социального обеспечения и образования. В России с ее «бинарным» типом

культуры (Ю.М. Лотман) многократное применение модернизационной стратегии привело не только к тоталитарному господству одной (коммунистической) идеологии, но и к репрессиям в отношении различных сфер жизни людей, включая их повседневную жизнь.

В то же время необходимо признать, что постмодернистский отказ от «большого нарратива», определяющего единый вектор прогресса, как и от единой методологии его осмысления, чревато существенными рисками для стратегий модернизации. Обратной стороной постмодернистского отказа от единого вектора прогресса и единой логики развития человечества оказывается фактическое «выпадение из цивилизации» тех, кто к ней «не готов» или «избрал иной путь». Собственно, сама идея догоняющей вторичной модернизации как подтягивания слаборазвитых стран до уровня среднеразвитых, а затем и развитых, распространенная в середине XX в., утратила актуальность. Вместо этого возникает «глубокая периферия» с ее бедностью и отсталостью, которая становится системным элементом глобального мироустройства.

Известный современный социолог М. Кастельс ввел понятие «исключающее развитие». Под этим подразумевается постоянное реструктурирование территорий под воздействием логики виртуальных сетей – преимущественно глобальных финансовых и информационных потоков. Это приводит к исключению из глобальных взаимодействий и из общего прогресса целых регионов, а также связанных с ними социальных групп⁴. Аналогично выделяются социальные группы, которые «способны» модернизироваться, быть активными носителями модернизации и извлекать из нее преимущества, и те, что «не способны» к этому.

Столь же амбивалентен для исследований модернизации и постмодернистский отказ от анализа классических отношений причинности, детерминизма. Известный представитель постмодернизма Ж. Бодрийяр отвергает «большой нарратив» политэкономии модерна как «линейный дискурс» на основании замены детерминированности на эквивалентность: «Воцарение недетерминированности» в сфере экономики более не позволяет мыслить ее как «детерминирующую инстанцию» по отношению ко всем остальным сферам общественной жизни, подобно марксовым отношениям между базисом и надстройкой⁵.

Удовлетворение потребностей, полезность и потребительная стоимость предметов, по мнению французского социолога, является лишь внешним, обыденным аспектом, лежащим на поверхности экономической жизни. Фундаментальным по отношению к нему является латентный и неосознанный социальный дискурс демонстрации, различения и значения, который необходимо видеть за поверхностью потребления и производства. Именно проблематизация латентного социального дискурса является характерной особенностью

рассмотрения экономических процессов в контексте социального знания постмодернистского типа. При этом не стоит забывать, что исследователи вовсе не отрицают явные, очевидные цели этих процессов, их практическую сущность.

И производство, и труд в постмодернистской перспективе рассматриваются вне связи с потребностями, на удовлетворение которых они ориентированы, и вне их детерминации какими-либо объективными общими законами. Они выступают в качестве «дискурса», просматривающегося через материальную очевидность машин, предприятий, изделий, технологий, рабочего времени, заработной платы, рынка, капитала⁶. Производство-код принимает все более универсальный характер, независимо от его практической полезности или вредности, прибыльности или убыточности, оно стремится подчинить все себе и оставляет свои «метки» на всем.

Рассмотрение экономики по принципу кода, вне ее детерминированности потребностями общества и какими-либо объективными законами позволяет Ж. Бодрийяру дать собственное объяснение парадоксу экономического роста в современном обществе. Этот парадокс состоит в том, что при видимом ускорении обращения капитала и росте производительности, совершенствовании технологий и становлении общества массового потребления в экономически развитых странах, в масштабах всего человечества оказываются не преодоленными ни голод, ни бедность, ни отсталость. По существу, экономический рост не означает реального хозяйственного прогресса, повышения уровня и качества жизни людей, уменьшения бедности, безработицы, сокращения разрыва между доходами бедных и богатых и т.д. Так происходит, с точки зрения Ж. Бодрийяра, потому, что рост экономики «не ориентируется больше ни на потребности, ни на прибыль. Он представляет собой не ускорение производительности, а структурную инфляцию знаков производства, взаимоподмену и убагачивание вперед любых знаков, включая, разумеется, денежные знаки... Задачей становится производить что угодно, по принципу реинвестирования любой ценой (вне зависимости от нормы прибавочной стоимости)»⁷.

Постмодернистский отказ от монокаузального детерминизма («Смерть Автора») оказывается, таким образом, предпосылкой к восприятию процесса модернизации не просто как множественного, принимающего различные формы в разных культурных контекстах, а к отказу от единства действия в контексте целенаправленной политики модернизации. В прагматическом преломлении она создает предпосылки для обвинения постмодернистского теоретизирования в интеллектуальной безответственности. Однако постмодернистский подход позволил сформулировать ряд вопросов и проблем современного социально-экономического развития, оставшихся вне поля зрения классического научного знания.

Отказ от классического детерминизма, предполагающего выделение наиболее значимых, «ведущих» факторов модернизации (к которым обычно относят развитие рыночной экономики и свободы предпринимательства, научно-технические инновации, либеральные ценности), позволяет уделять принципиальное внимание тем сферам, которые раньше считались «вторичными», «незначимыми». Это, в первую очередь, повседневная жизнь со всем разнообразием ее аспектов и проблем, которой уделяется все больше внимания в современной социологии.

Ряд исследователей отмечает, что дальневосточные культуры изначально обладают свойствами, которые на Западе ассоциируются с постмодернизмом, прежде всего, отсутствие

единой сквозной логики и детерминизма, бинарных оппозиций и т.д.⁸ Следует задуматься, не повлияло ли это на успехи модернизации, наблюдаемые на Дальнем Востоке, прежде всего, в Китае, в последние десятилетия.

Zarubina N.N. Theoretical Approaches to Research on Modernization of Russia under Conditions of Complex Society.

Summary: *The article analyzes the advantages and disadvantages of postmodernism as a sociological approach to the study of the modernization of a complex society. There are discussed the postmodernist approaches to the problems of epistemology, determinism and representation that influence on the understanding of social-economic reality in the works of modern sociologists.*

Ключевые слова

Модернизация, социологический постмодернизм, репрезентация, детерминизм.

Keywords

Modernization, sociological postmodernism, representation, determinism.

Примечания

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: И-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. С. 143.
2. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. и др. Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад. М.: И-т социологии РАН, Представительство Фонда им. Ф. Эберта в РФ, 2010. С.104-105.
4. Там же. С. 18-20, 158, 169.
5. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология (под ред. В.Л. Иноземцева). М., 1999. — <http://ido.edu.ru/ffec/philos/chrest/g17/kastels.html>
6. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион—Русская книга, 2003. С. 55.
7. Там же. С. 60.
8. Там же.
9. См.: Postmodernism and Japan. L., 1989.